

*Памяти Наташи Каширской
и Димки Реброва*

*Ничего этого не было.
Реальные люди, равно как и пер-
сонажи романа, никакой ответ-
ственности за выдумки авторов
не несут.*

ПРОЛОГ

ВНУЧКА

Наши дни

*СИНИЧКИН ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,
ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ*

И я сразу понял, что все-таки опоздал. В прихожей валялся нераспакованный чемодан, а рядом в неловкой позе, лицом вниз, лежала женщина. Затылок ее был весь в крови.

Месяцем ранее

Посетительница была молодая и, как принято говорить сейчас, бóрзая. И еще — она не сняла в помещении солнцезащитных очков. Держала себя, будто не только мои услуги уже купила, но и целиком агентство, включая секретаршу Римку, сейф дореволюционных времен и картину на стене «Русская зима», подаренную мне художником Н.С., с которого я снял обвинение в педофилии.

Часы «Радо» на красивой ручке, серьги «Шопард» в очаровательных ушках и шарфик от «Эрме» на тонкой шейке наводили на мысль, что молодой даме покупка сыскного агентства действительно по карману. Поэтому ее высокомерие, переходящее в наглость, мне пришлось скрепя сердце терпеть. Вдобавок моя фирмочка переживала очередной финансовый кризис — далеко не первый, но, как я оптимистично надеялся, последний.

Вероятная клиентка, правда, выглядела юной настолько, что у меня возникли опасения: есть ли у нее собственный счет в банке — или, чтобы купить каждую банку колы, ей приходится обращаться к папе/папику? Но в любом случае выслушать ее стоило.

— Что привело вас ко мне, сударыня?

Вместо ответа она вытащила из сумочки прозрачный файл с одной бумажонкой внутри и бросила его на стол передо мной. Желаете разговаривать на языке жестов? Что ж, пожалуйста. Если меня бандиты олигарха Барсинского не испугали, то у тебя, девочка, и вовсе кишка тонка. Я усмехнулся и пробежал глазами листок. То был договор между агентством «Павел» (в лице П.С. Синичкина, в дальнейшем именуемого Исполнитель) и гражданкой по имени Мишель Монина (в дальнейшем — Заказчик). Согласно ему мне вменялось в обязанность выполнить в интересах Заказчика расследование, притом не разглашать никому сведений, полученных как лично от Заказчика, так и в ходе расследования. В случае нарушения пункта о конфиденциальности я обязуюсь уплатить штрафные санкции в сумме, эквивалентной двадцати тысячам долларов (в рублях, по курсу ЦБ РФ на день

оплаты). Зато при достижении в ходе расследования результатов, удовлетворяющих Заказчика, я получаю те же двадцать тысяч долларов (в рублях по курсу).

Договор выглядел, как и сама девушка — понтовым, сырым и наглым. Впрочем, один пункт мне в соглашении понравился: сумма двадцать тысяч долларов.

— Вы на юридическом учитесь? — спросил я. — Или вы со всеми начинаете знакомство с подписания договора?

Она вспыхнула и хотела было ответить мне резко, однако сдержалась. Вместо этого сняла очки, и я впервые увидел ее глаза. Они оказались отнюдь не ледяными, а растерянными и даже беззащитными и о многом мне рассказали. Например, о том, что она балованная дочка состоятельных родителей, но человек, возможно, неплохой.

— Давайте начнем с другого, — молвил я. — Вас кто ко мне прислал?

Посетительница облизала губы, поколебалась — однако решила, что данные сведения не нарушат конфиденциальности, и проговорила:

— Татьяна Садовникова.

— А-а, Татьяна!.. Сколько лет, сколько зим!.. Скажите, Мишель, вы ей доверяете?

— Да, — не колеблясь, ответила девушка.

— А она доверяет мне. Иначе Садовникова вас ко мне не прислала бы, верно?.. — Моя будущая клиентка молчала, но молчание — знак согласия, поэтому я продолжил: — Давайте не будем разводить бодягу с договорами. И не потому, что я не люблю платить налоги — хотя я их действительно не люблю платить. Доверие ведь никакими догово-

рами не предусмотреть, а недостаток доверия никакими дополнительными соглашениями не возместить. Словом, бумаг подписывать не станем. У меня другое предложение: вы для начала расскажете, что вас волнует. А уж я решу: возьмусь за это дело или нет. Если да, мы пожмем друг другу руки, и я проведу расследование.

Мой монолог, кажется, произвел на клиентку впечатление, и она сменила свой тон на гораздо более человечный:

— Понимаете, если я расскажу вам *всю* историю, вы станете обладателем очень личной, конфиденциальной информации, которая в случае огласки серьезно может повредить репутации не только моей, но и всей семьи, и нарушить нашу... прайвеси... не знаю, как сказать по-русски.

— Частную жизнь, — перевел я. — Вы в Англии учились?

— Угадали.

— Значит, вы слышали, — заявил я с совершенно серьезным видом, — что частные детективы обычно дают перед началом своей деятельности нечто вроде клятвы Гиппократата. Там есть пункт о неразглашении сведений о больных — то есть, простите, клиентах.

Девушка улыбнулась. Она оценила мой юмор. Из нее потихоньку уходили надменность и задиристость. Стал более заметным ум.

Молодежь у нас в целом хорошая — впрочем, временами детишек нужно как следует сечь. Для их же блага.

— Вы знаете, Павел Сергеич, — сказала она, — мой рассказ будет долгим — однако я готова запла-

тить вам за то, что вы меня выслушаете. За ваше время.

Я пожал плечами.

— Встречаются, конечно, в Москве бессребреники. Но я к их числу не принадлежу.

— О'кей. Насколько я знаю, минимальная ставка юриста, консультанта или психотерапевта — сто долларов в час. Я вам так и заплачу. Устраивает?

— Почему же мне по *минимальной* ставке? — с улыбкой спросил я. — Обижаете.

— Ну, вы же просто выслушаете. И не будете меня консультировать, защищать, утешать.

— Утешить могу, — сказал я осознанно двусмысленно и глянул на девицу очень мужским взглядом.

Она не вспыхнула, не возмутилась. Прежним деловым тоном отмела мое предложение:

— Нет уж, спасибо. Не нуждаюсь.

— Ладно, начинайте вашу исповедь. Что-нибудь будете пить? Чай, кофе?

— Если можно, эспрессо.

— Римма, — гаркнул я. — Два двойных эспрессо, порфавор!

Мы потихоньку устанавливали с Мониной контакт и начинали, несмотря на вкрапления английского и испанского, говорить на одном языке. Мишель полезла в сумочку и вытащила оттуда пять стодолларовых бумажек. Сей жест мне понравился. При всем обаянии платиновых и золотых пластиковых карт шуршание наличных долларов имеет для меня особенное очарование. Кроме того, небрежное обращение клиентки с инвалютой доказывало ее платежеспособность. Однако не-

смотря на то, что в моем нынешнем положении каждый «франклин» был на счету, от банкнот я небрежным жестом отказался.

— Гусары денег не берут, — повторил я шутку, услышанную еще от отца.

Девушка только пожала плечами и радостно спрятала купюры обратно в сумку.

Тут и Римма пришла с кофе, расставила перед нами чашки.

— Пожалуйста, не соединяй меня ни с кем, — попросил я ее.

— Хорошо, Пал Сергеич, — пропела моя помощница и прислуга за все. В случае нужды она тоже умела кинуть понты.

— Даже не знаю, с чего начать... — проговорила Мишель.

— С начала, — подсказал я.

ЧАСТЬ I

МАМА

1. БОЛЬШОЙ ШАШЛЫК

*За двадцать четыре года
до описываемых событий
Август 1986 года. СССР,
Черноморское побережье Кавказа*

ЮЛИЯ

Она знала, что сегодня у нее — последний шанс заполучить его.

И надеялась, что шанс — хороший, верный. Настолько верный, что девушка не просто чувствовала, но даже *предчувствовала*: как оно все случится. И от этих воображаемых картин сердце сладко томилось — может, ему, сердцу, было сейчас даже слаще, чем будет нынче вечером на самом деле от того, что обычно у девушек с парнями бывает...

А еще, когда Юля из своего сладкого томления выныривала, то ругала себя: предмет обожания совершенно ее недостоин. Как прабабки говаривали, это явный мезальянс! Студентик какого-то пищевого. Ни породы, ни связей, ни денег, ни перспектив. Зато... Какой же он красивый! Длинные ресницы. Красивые руки. И суперобволакивающий взгляд. И тоже обволакивающий, чуть хрипловатый голос. Когда она видела ЕГО, теряла голову и будто летела к нему, как в лазоревое, искристое море, замирая от сладкого удара, который вот-вот произойдет — и тогда теплое, обволакивающее проникнет сквозь поры, затянет, закружит...

Шашлык на закате — непростое действие. Это вам не комсомольский субботник организовать. Хотя субботник тоже сложно. Но с шашлыком и вовсе нужны способности Макиавелли.

Следовало пригласить тех, кого нужно. А тех, кто не нужен, отсесть. При том, что желающих наверняка окажется раз в восемь больше, чем званных. И хорошо бы, чтобы кое-кто не пронюхал про экспедицию вовсе — а те, кто пронюхал, но не удостоился приглашения, не чувствовали себя обиженными и обойденными и надеялись, что они еще понадобятся и будут званы в следующий раз на более яркий и грандиозный праздник. Кроме *оргвопросов* и *персональных дел*, требовалось принять огромное количество решений по *административно-хозяйственной части*. А именно: закупка мяса на, собственно, шашлык; далее: дегустация, выбор и приобретение домашнего сухого вина в частном секторе — что в условиях антиалкогольной кампании стало полукриминальным делом; поиск в государственном магазине водки, коньяка и игристых вин; закупка и доставка с базара овощей и фруктов...

Да ведь еще и спальные мешки требовались, и одеяла, и матрасы надувные, и, как следствие, для переноски их и других объектов — рюкзаки... И тысяча мелочей, без каждой из которых Большой Шашлык мог быть безнадежно испорчен, а то и сорван: вода питьевая, кружки и кастрюли — для мяса и овощей, тарелки, и тазики, и ножи, и вилки (для эстетов)... А шампуры! А штопор! И не забыть про аптечку, а ее укомплектовать бинтами, и йодом,

и анальгетиками, и бросить туда как минимум один «патронташ» презервативов, непременно индийских, а не кондовых советских — им только персонального дела не хватало по результатам совместного распития спиртных напитков! И без того, если узнают, что он, Евгений, организовывал сабантуйчик, могут раздуть историю. А он никогда бы и не взялся за такую организацию шашлыков — мало ему дел! — когда бы не *она*, Юлия-Джулия. Должно же до нее дойти наконец, доползти до ее головного мозга — или она, как и все телки, одним спинным живет, одними только чувствами? — должна же наконец эта Джулай Монинг, Юлия Монина сообразить! Простая ведь мысль: он, Евгений, и она — идеальная пара! Он, конечно, готов ждать сколько угодно, и браки, разумеется, заключаются не на небесах — данное ветхое суеверие мы давно сдали в утиль — но пора бы уже и прозреть! Они оба — деловые, выдержанные, воспитанные. Каждому светит впереди карьера, а когда она будет помножена надвое, начнется кумулятивный, мультипликаторный эффект (как любит говаривать его научный руководитель). И один плюс один (при условии, если правильно выбран один и верно угадан второй) означает в сумме не пошлые два — а порой настоящий взрыв, взлет, миллион!.. За примером не надо далеко ходить: весь СССР, с дальних гор до северных морей, дружно ругает первую леди Союза, Раису Максимовну, с ее назидательным голосом и тщательными нарядами — а ведь он, Евгений, и прочее умное меньшинство понимают: да не будь сей дамочки рядом с САМИМ, Михал Сергеич остался бы максимум завотделом в Ставропольском крайкоме. А вместе —

вишь, на какую высоту взобрались, стали владыками, без преувеличения, полумира: от пустынь Байконура — до берлинской телевышки, от Слынцева Бряга до камчатских гейзеров, и королева английская Елизавета Вторая покорно ждет чету у порога Вестминстерского дворца! И Джулии Мониной многое светит, если она наконец прильнет к с-понтном-простому и скромному рабочему пареньку Евгению. Да, настоящий рабочий паренек — аспирант Института мировой экономики и международных отношений, предзащита уже этой осенью, и тема шикарная — современное рабочее и профсоюзное движение во Франции, двухмесячная командировка в Париж уже случилась, и еще одна, четырехмесячная, намечается! А Джулия как будто напоследок старается дать волю своим низменным инстинктам, нагуляться на всю оставшуюся жизнь. Что ж! Он, Евгений, надо признать, неревнивый, и есть теория, что женщина в молодости должна как следует нагуляться, чтобы потом, в здоровой семейной жизни, не хотелось приключений и фантастики, но сколько можно время терять? Да и обидно, что она вон опять запала на очередного красавчика и млеет от его взгляда из-под длинных ресниц и его голоса, и купается в лучах его улыбочки... И ведь не станешь власть употреблять, к примеру, отказывать нищерброду-красавцу от Большого Шашлыка: во-первых, запретный плод вдвойне сладок, особенно для слабого пола, пример гражданки Евы нас в том убеждает. Не возьмешь соперника с собой сегодня — паршивка Юлия Мониная впрыгнет к нему в окошко завтра. Лучше уж, когда все на виду и можно процесс хоть отчасти контролировать. Во-вторых,

не надо забывать, что гад Михаил обеспечивает в данном мероприятии какой-никакой, а культмассовый сектор, и без него шашлык на закате рискует превратиться в вульгарную пьянку. Ведь у него, надо отдать должное, и гитара настроена, и богатый репертуар, и имеется к тому же портативный маг «Весна-302» и к нему неплохая походная коллекция кассет: и «Модерн Токинг», и «Сайлент Сёкл», и новая американская звезда Майкл Джексон... Надо терпеть, а пока Джулия этим препохабнейшим типом увлечена, можно тоже дать себе волю и уестественить одну из неприхотливых самок под крупными черноморскими звездами!

...Вечерок, костерок, легкий бризок, моря шумок... Собрана и весело горит гора прожаренного солнцем топляка, на самодельные шампуры из ивовых прутьев нанизаны крупные замаринованные куски шашлыка, из рук в руки переходит эмалированная десятилитровая кастрюля, наполненная домашней «Изабеллой». Ах, недаром он лично руководил поиском, дегустацией и закупкой местного вина — напиток настоящий, *первичный*, неразбавленный, от него теплеет на сердце и веселится душа, и никакого бычьего водочного кайфа, только извращенец станет в условиях жары и моря сорокаградусной давиться, идиотов и не оказалось, бутылки пшеничной холодеют в ручье невостребованными. И даже говнюк-красавчик Михаил (со скрипом надо признать) органичен — сидит, пощипывает гитару, наигрывает тихонько: ах, что ей до меня, она была в Париже, и я вчера узнал, не только в нем одном. А Джулия внимает — конечно же, рядом с красавцем. Что ж, погуляй, моя родну-